

Новая газ.

Ровно полвека назад Крым стал украинским. Тогда этого никто не заметил

...Где-нибудь на Херсонесе поднимаешь осколок античной вазы и думаешь, что берешь Историю. А это она тебя взяла и уже никогда не отпустит.

Или мина. Обвалился фрагмент берегового откоса, она и выглянула. Побежали звонить по инстанциям — «куда хотите, туда и давайте, у нас такого добра...». Погрузили на десантную резиновую лодку, состоящую из одних заплаток, погребли, благословясь, поближе к фарватеру и утопили согласно названию плавсредства («Муму»).

1984-й. Еще на паром «Порт Кавказ — порт Крым» вкатывались пассажирские вагоны, до Крыма можно было добраться из Сочи на «Ракете». Тогда о хрущевской «мине» никто и не задумывался. Потом она взорвалась, и пыль осядет еще не скоро.

С точки зрения вечности это только рябь на поверхности омывающих полуостровов морей. А Крым о вечности знает достаточно много, чтобы смотреть на дела человеческие индифферентно. Вечности он и принадлежит — и это чувствует каждый, кто сюда возвращается. Я раз двадцать возвращался и не могу сказать, что хватило. Хотелось бы еще.

Моим крымским приятелям неинтересно говорить о политике. Им, как и многим крымчанам, свойственно философско-ироническое отношение к жизни. Это и ментальность, и природа, и все вместе. Крым не одно тысячелетие живет «между» — между временами, завоевателями, государствами, политическими силами. Оставаясь прекрасным и непостижимым.

...Прошлым летом мы с друзьями просочились в недавно открытую для пока негласного обозрения крепость-арсенал: 400 гектаров циклопических, уходящих глубоко под землю сооружений, первые из которых датированы серединой позднепрошлого века (Тотлебен начинал строить сразу после Крымской войны). На стенах подземелий по надписям можно изучать географию России и СССР (говорят, здесь был один из самых страшных дисбатов) и историю войн («Ганс из Нюрнберга» тоже присутствует), между «автографами» — больше века.

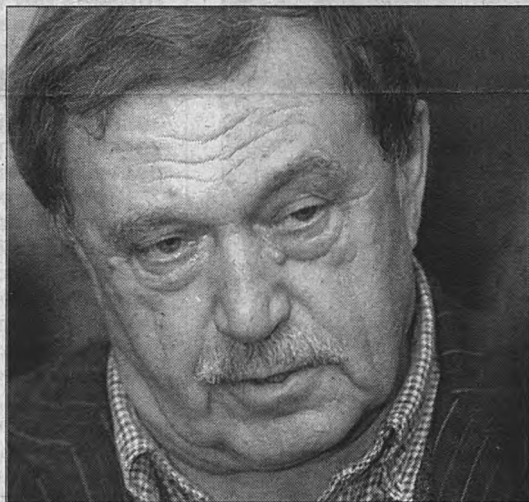
Что это для Крыма? Так, мгновение...

Василий АКСЕНОВ:

«Остров Крым» повлият на полуостров

Крым

Многие крымчане все еще хотят прокопать канал и ото всех отделиться

PhotoXPress

Кому было звонить, как не Василию Павловичу? Из ныне действующих классиков он, пожалуй, единственный заслуживает «звания» Аксенов-Крымский. В первую очередь из-за его роскошной антиутопии «Остров Крым» — о том, что было бы, останься Крым белогвардейским.

В одном из последних изданий (первое — 25 лет назад в США) жанр романа определен как боевик, но это уже издержки новейших времен.

В Биаррице Василия Павловича застать не удалось, на счастье, откликнулся Вашингтон: «19 февраля? Памятная крымская дата? Времен очаковских? А, «одаренья Крымом»...».

— В 1954 году Никита Сергеевич Хрущев отдал то, что ему не принадлежало, в результате чего через много лет проблема чисто картографическая стала проблемой геополитической.

Акт, безусловно, волюнтаристский. Ничем и никем не контролируемая власть, полная уверенность, что коммунизм необратим и что Советский Союз — это на века...

— С чем можно сравнить указ от 19 февраля 1954 года, есть ли аналоги в мировой истории?

— Прямых, пожалуй, и нет. Не понимаю, чем Хрущев тогда руководствовался, — слышал, что подписывал он документ в совершенно невменяемом состоянии.

Вообще все это — абсурдная ситуация. Что это зна-

чит — «кому принадлежит Крым»? Украинцам? Русским? Крымским татарам и их суверену Турции? Может, больше оснований у греков? У скифов и сарматов?

Вечная, потрясающе красивая земля, где пересекалось множество путей, которую завоевывали, осваивали и населяли множества народов и на которой к началу двадцатого столетия сложилось уникальное крымское сообщество — и греки, и украинцы, и русские, и татары, и турки, и евреи, и болгары... Вот эту полиэтничность надо было учитывать и сохранять — но где там...

— С какого момента своей жизни вы стали осознавать уникальность Крыма — географическую, историчес-

кую, политическую? Когда задумывался роман?

— Я часто бывал в Крыму зимой, в писательском Доме творчества. И как-то возник эффект «последнего берега человечества»: ярко освещенная Ялта, а над ней — страшные свинцовые тучи. Такие, я бы сказал, «коммунистические». Тогда, собственно, и начался непосредственно роман. Когда писал, погружался в архивы, проникался ат-

мосферой, и уникальность открывалась по-новому.

Крым для той же Греции был чем-то вроде Камчатки, но всегда справедливо считался неотъемлемой частью Средиземноморья. А меня эта культура всегда притягивала.

— Можно сказать, Крым для нас — это и Греция, и Израиль, и Кипр, и даже Египет, все вместе?

— Да, и только культурно-историческим слоем все не исчерпывается.

— Василий Павлович, были ли у вашего романа противники на Западе?

— На Западе рецензии были в основном положительные, а что касается полемики... Понимаете, им невозможно объяснить во всем объеме, чем для нас является Крым. Даже то, чем является он для Белого движения, его истоков и его исхода. Англичане, к примеру, Крым знают по Крымской кампании середины XIX века. Оборона Севастополя: у них — героическая медсестра Флоренс Найтингейл, у нас — героический матрос Кошка...

— Какие-то мотивы вашего романа опять же в реальной новейшей истории Крыма отразились?

— На самом непосредственном мировоззренческом уровне. Я по известным причинам долго не был в Крыму, вновь появившись здесь только в памятном 91-м. То, что «Остров Крым» прочитан и как-то влияет на умонастроения, убедился в первые же минуты после прилета. Таксист сразу мне объяснил, что есть такой роман и все там правильно: надо прокопать канал, и пусть они сами там, на материке, разбираются. «А мы-то проживем, у нас все-го хватит!».

— Есть у вас самое знаковое место в Тавриде?

— Да все они для меня — знаковые. В Ялте познакомился со своей будущей женой... А вот недавно поднимались на Карадаг. Там заповедник, не пускают, но я попросил сына в качестве пропуска передать, что Василий Аксенов на коленях пройдет через пост, чтобы снова все увидеть. Прошли.

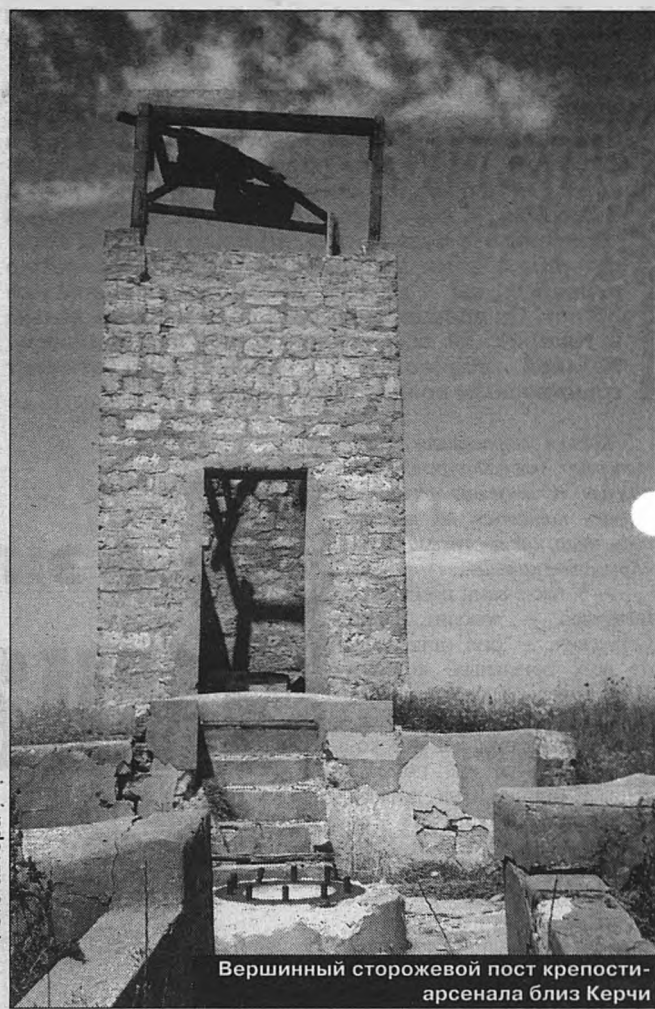

фото автора

Вершинный сторожевой пост крепости-арсенала близ Керчи

Увидели. Потрясающе и неопишимо. Неземное, но — и человеческое тоже. Какая-то живность появилась, какие-то дрофы...

— Как вы относитесь к слегка перефразированному известному выражению: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо в Крыму»?

— Это очень недурственно. Правда, кроме Крыма, на земле есть масса других совершенно замечательных мест. Я вот сейчас часто живу в Биаррице — это на границе Франции с Испанией, в отрогах Пиренеев. Может, выбрал еще и потому, что очень похоже на Крым.

— Какова ваша личная позиция в неизбежных разговорах и спорах о статусе полуострова?

— Конечно, главное — с максимальной бережностью и без возможных потрясений сохранить его полиэтничную уникальность, кстати, далеко еще не восстановленную. Это касается и крымских татар, и греков, многих из которых я знаю: они считают Крым своей родиной и без нее чувствуют себя ущербными.

Не сказать, что и основное русскоязычное население полуострова чувствует себя абсолютно комфортно — но не воевать же с Украиной? Надо все делать по-человечески, в том числе и обсуждать статус. Мне видится некая автономия под эгидой Украины и России. Крым как территория сближения, а не как территория раздора — это было бы замечательно для наших народов.

— В порядке шутки — вы как авторитетный эксперт по Крыму могли бы, к примеру, стать президентом этой гипотетической автономии?

— А меня, можно сказать, приглашали — почти серьезно, в начале 90-х. «А зарплату, как у меня в университете Дж. Мейсона, сможете платить?» — «Нет, не сможем...». Пришлось отказаться.

Владимир МОЗГОВОЙ

PhotoXPress